

надесятъ. И во чревъ и муци вопіетъ боляци, и, страждущи родити (ст. 1 и 2).

И знаменіе веліе явится. Самое названіе новаго таинственнаго явленія *знаменіемъ* показываетъ, что это явленіе имѣетъ значеніе знаменательное или символическое. То же показываютъ и самыя черты новаго явленія, какъ то: «облеченіе жены въ солнце, луна подъ ногами Ея, вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ». *Знаменіе* названо великимъ, сколько по чрезвычайности и поразительности новаго явленія, столько и по глубинѣ его значенія.

На небеси: это есть духовная область Церкви, какъ благодатнаго небеснаго Царства.

Жена: касаясь выше этого явленія мы уже имѣли случай показать то его знаменованіе, что, во-первыхъ, въ образѣ жены представляется Церковь, какъ *мать соблюдающихъ заповѣди Божія и имѣющихъ свидѣтельство Іисусъ-Христово* (ст. 17); и, во-вторыхъ, въ величественномъ образѣ той же жены примѣчаются черты лица Пресвятыя Дѣвы Матери Господа Іисуса, Которому Единому существенно принадлежитъ власть и сила *упасти вся языки жезломъ жезльникомъ* (ст. 5, сл. 2, 3). Впрочемъ такая двойственность знаменованія одного и того же образа жены не то значить, чтобы нѣсколько различныхъ смысловъ находили мы въ рѣчи апокалипсической. Идея Церкви, какъ обители для всей полноты Христовой благодати и потомъ славы (Еф. I, 19 и 23), раскрылась лично въ Пресвятой Богородицѣ, бывшей обителію Христовою въ тайнѣ воплощенія Его и вошедшей въ славу Его, чрезъ превыше-херувимское Свое возвеличеніе; равно идея Церкви, какъ таинственно-благодатной матери всѣхъ вѣрующихъ и спасаемыхъ, также является какъ бы олицетворенною въ лицѣ Божіей Матери, Которая во Христѣ, *не стыдящемся нарицать вѣрующихъ въ Него братією своею* (Евр. II, 11—12), есть посему благодатная мать всѣхъ вѣрующихъ. Посему указаніе на Церковь въ означенныхъ отношеніяхъ, естественно и справедливо соединять въ одинъ общій образъ съ указаніемъ на Божію Матерь, Такъ еще въ первомъ обѣтованіи о Сѣмени жены (Быт. III гл.), въ образѣ сей жены назnamenованы совокупно, какъ Церковь, ведущая съ того времени брань и вражду съ змі-

емъ, такъ и Пресвятая Дѣва-Матерь Богочеловѣка, — побѣдителя змѣя. Подобный образъ жены—Царицы и въ томъ же знаменованіи Церкви и вмѣстѣ Пресвятой Богородицы представленъ въ 44 псалмѣ. Въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ Апокалипсиса, виденъ такой же образъ царственной жены, находящейся во враждѣ со змѣемъ. Итакъ, и подобныя мѣста Св. Писанія въ апокалипсическомъ видѣніи жены открываютъ намъ пророчество о такихъ состояніяхъ и обстоятельствахъ Церкви, въ которыхъ имѣла являться особливый образъ или слава, или соучастіе Богоматери.

Жена облечена въ солнце. Судя по общему, изъясненному у насъ прежде (смотри изслѣд. VIII-й гл.) значенію свѣтиль, изъ которыхъ не только *солнце*, но и *луна*, и извѣстное число *звѣздъ* поставляются здѣсь въ ближайшемъ отношеніи къ таинственной *Женѣ*, можно понять, что знаменуемая женою Церковь, является здѣсь вообще въ открытой міру красотѣ просвѣщенія, какъ обѣтая и увѣчанная и поддерживаемая полнотою свѣта современныхъ знаній. Но при этомъ мы должны имѣть въ виду и явно-исключительное положеніе свѣтиль въ отношеніи къ женѣ, какъ одѣтой въ солнце, имѣющей луну подъ ногами, а на головѣ вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Это необходимо требуетъ дополнить объясненіе соответственными такому явленію исключительными особенностями. Такъ въ небѣ, какъ области благодатнаго Царства Христова, *солнце* есть Самъ Христосъ, Его истина, благодать и слава: Христосъ въ самомъ Св. Писаніи именуется *солнцемъ правды* (Мал. IV, 2). Итакъ, *облеченіе въ солнце*, по отношенію къ Церкви, знаменуетъ такое духовное свѣтлосное состояніе Церкви, когда она явится облеченною въ свѣтъ Христовой истины, раскрытой со всѣхъ существенныхъ своихъ сторонъ для разогнанія мрака заблужденій и лжеученій, — когда благодать, составляющая начало внутренней церковной жизни, торжественно откроется и во внѣшнемъ церковномъ облаченіи—святыхъ иконахъ, когда слава Христова будетъ свѣтло выражаться въ Богослуженіи и благочиніи церковномъ. По отношенію же облеченія въ солнце Пресвятыя Богородицы, показанное свѣтлосное состояніе Церкви должно быть ознаменовано и увѣчано особенно—открытымъ проявленіемъ славы Богоматери, знаменіями пріизобилующей въ Ней благодати, проявленіемъ чрезвычайной Ея

почетительности о вѣрѣ и Церкви, о раскрытіи для міра истины Христовой всеуясняющей.

И луна подъ ногами ея. Луна, похищающая свѣтъ у солнца и постоянно измѣняющаяся, то затмевающаяся, то опять просіявающая, господствующая надъ ночью, блѣднымъ и новѣющимъ свѣтомъ озаряющая предметы,—по вѣмъ этимъ чертамъ есть символъ свѣта собственно мірской мудрости, не возведенной сознательно ко Христу, хотя заимствующей свой свѣтъ у Него же. Ибо свѣтъ этой мудрости есть или слѣдъ и остатокъ свѣта Божественнаго, во внѣшней природѣ и духѣ человѣческомъ еще мерцающаго, или похищеніе изъ области откровенія Божественнаго; и эта мірская мудрость постоянно измѣняется и нерѣдко уступаетъ мѣсто или невѣдѣнію, или недоумѣнію и сомнѣнію; но и когда она выражаетъ увѣренность и дѣйствительно попадаетъ на истину, то свѣтъ ея знаній обыкновенно бываетъ или мертвъ, или соединенъ съ мечтательностію. Такую мудрость Церковь попираетъ ногами, въ провидѣнномъ Тайнозрителемъ состояніи. По отношенію же къ проявленію славы, благодати и бдительности надъ Церковію Пресвятыя Богородицы, луна должна знаменовать какую-либо опредѣленную область, имѣвшую свѣтитъ въ это время мірскими знаніями, и притомъ, хотя со-внѣ, соприкасаться съ духовноблагодатною областію Церкви; ибо луна, хотя была подъ ногами жены, видѣлась однако же на небеси. Въ униженіи и пограніи сей-то собственно мірской и тогда имѣвшей даже блистать мірскою мудростію области, которая будетъ занимать такое мѣсто, гдѣ распространялась духовно-благодатная область Церкви,—и имѣла проявиться слава, сила и покровительство надъ Церковію Пресвятой Дѣвы Богородицы. Таково значеніе словъ: *жена облечена въ солнце и луна подъ ногами ея.*

И на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двюнадесяте. При свѣтѣ Христовой истины, благодати и славы, въ которыя облечена жена, нельзя не узнать въ *двюнадцати звѣздахъ*, вѣнчающихъ Церковь, лика двѣнадцати Христовыхъ Апостоловъ. Глава жены, разумѣемой въ смыслѣ Церкви, есть Самъ Христосъ, по реченному Апостоломъ: *Христосъ Глава Церкви и той есть Спаситель тѣла* (Еф. IV, 23). Итакъ, по отношенію къ Церкви, вѣнецъ на главѣ жены, составленный изъ *звѣздъ двюнадесяте* Христовыхъ Апостоловъ, зритель-

но и до очевидности понятно знаменуетъ слѣдующее: Церковь, въ славѣ и торжествѣ своего Православія явится именно какъ Церковь Апостольская, т.-е., красящаяся всецѣло вѣрнымъ соблюденіемъ Апостольскихъ писаній, установленій, преданій, увѣнчиваемая Апостольскими преемниками или священноначаліемъ, отъ Апостоловъ пріявшимъ и предающимъ благодать тайноводства и учительства церковнаго, но вмѣстѣ, какъ находящаяся подъ такимъ главенствомъ Самого Христа, которое украшается одинаково всѣми двѣнадцатью Апостолами и однако само не принадлежитъ ни одному изъ нихъ. По отношенію же къ Царицѣ Небесной Богоматери, хоръ двѣнадцати небесныхъ звѣздъ, составляющихъ вѣнецъ на главѣ жены, знаменуетъ явленіе въ Церкви славы Пресвятыя Богородицы, какъ ублажаемой самими Апостолами и вообще небожителями, и какъ являющей покровительство Церкви при содѣйствіи сему Апостоловъ и Ангеловъ. Ибо подъ образомъ двѣнадцати звѣздъ (принимая опредѣленное ихъ число за неопредѣленное или точнѣе, часть вмѣсто цѣлаго) можно разумѣть и вообще святыхъ небожителей, ограждающихъ Церковь подъ главенствомъ Христовымъ и увѣнчивающихъ своими созерцаціями и пѣнопѣніями лице Богоматери.

И во чревъ имѣщи вопіетъ болящи и страждущи родити. Это видѣніе напоминаетъ слово Апостола Павла къ Галатамъ: *чадца моя, имижже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV. 19). Что, впрочемъ, Апокалипсическая жена или знаменуемая ею Церковь, находится въ мукахъ рожденія не по отношенію къ отпадшимъ отъ правоты вѣры, относительно каковыхъ Апостолъ Павелъ *болѣзновалъ*, или находился въ мукахъ рожденія, это ясно изъ дальнѣйшаго (5 стиха): здѣсь представляется не возстановленіе въ благодатной жизни, а еще первоначальное порожденіе чада благодати. Итакъ *воплъ жены, болящей и страждущей родити*, по отношенію вообще къ Церкви, означаетъ, что Церковь, находясь въ показанномъ выше торжествѣ Православія, въ то же время будетъ подвизаться породить въ благодатную жизнь, или просвѣтитъ крещеніемъ новыя племена. Продолженіе апокалипсическаго изображенія показываетъ, что имѣется въ виду собственно одинъ великій и могущественный народъ, имѣвшій принять христіанство: ибо, далѣе сказано (въ 5 ст.), что жена *роди одного сына мужеска*, имѣю-

щаго также одно великое предназначение; а что подъ сямъ *сыномъ мужескимъ* въ откровеніи о судьбахъ Церкви разумѣется цѣльный народъ или даже многонародный родъ, а не одно недѣлимое, — это излишне и доказывать, (впрочемъ ниже будетъ и это доказано). По отношенію же къ Пресвятой Богородицѣ, осуществившей лично или какъ бы олицетворившей въ Себѣ значеніе Церкви, какъ Матери вѣрующихъ, — образъ жены, которая *вопяла боляци и страждущи родити*, знаменуетъ вопли крѣпкаго Ея ходатайства, соболѣзнованіе матерней Ея любви относительно возрожденія въ христіанство того народа, о которомъ выше сказано, и еще болѣе будетъ говорено ниже.

Прежде нежели укажемъ на событія, въ которыхъ исполнилась изъясненная часть видѣнія, продолжимъ изъясненіе дальнѣйшихъ символическихъ обстоятельствъ разрѣшенія жены отъ бремени, чтобы потомъ приложеніе сего пророчественнаго видѣнія къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ оказалось отнюдь не произвольнымъ, а основаннымъ на очевидной истинѣ.

И явися ино знаменіе на небеси, и се змій великъ чернень, имѣя главъ семь и рогавъ десять: и на главахъ его семь вѣнецъ: и хоботъ его отторже третью часть звѣздъ небесныхъ, и поверже я на землю. И змій стояше предъ женою, хотящею родити, да, сгда родитъ, скъетъ чадо съ (ст. 3, 4).

И явися ино знаменіе, т.-е. другой знаменательный образъ на небеси, т.-е., въ самой области благодатнаго Христова Царства, — въ области Церкви Христовой.

Се змій. Сопоставленіе сего змія съ женою, и притомъ, враждебныя между ними отношенія показываютъ, (что мы уже и выше замѣчали), что знаменія жены и змія указываютъ на того змія и ту жену, между которыми Богъ положилъ вражду послѣ челоувческаго грѣхопаденія (Быт. III, 1, 5). То же подтверждается названіемъ сего змія *древнимъ зміемъ, діаволомъ и сатаною обольстителемъ* (ст. 9). А такъ, какъ оный древній змій, который обольстилъ первую жену, дѣйствовалъ главнымъ образомъ этою лестію: *будете, яко божи* (Быт. III, 5); то видно, что образъ сего змія, и въ настоящемъ видѣніи, знаменуетъ духа тьмы, распространяющаго въ побѣдоносной надъ міромъ и возвеличенной въ немъ Церкви обольщеніе — посягнуть на присвоеніе достоинства,

подобающаго единому Богу. Этотъ змій представляется въ видѣни великимъ и чернымъ, т.-е. краснымъ: краснота его даетъ примѣтить въ немъ кровожаднаго челоуѣкоубійцу, а величіе показываетъ, что онъ дѣйствуетъ не только пронырливо—закрытыми кознями, но и съ открытой горделивостію и величавостію. *Седмь главъ*, увѣнчаннхъ столькими же діадимами, и *десять роговъ*, означаютъ, первыя—множество господствующихъ въ то время идей и замысловъ, принадлежащихъ собственно сему змію или духу гордыни и властолюбія, а другіе—еще большее множество силъ и способовъ насилія, дерзости, непреклоннаго упорства, которыми имѣлъ вооружиться тотъ же духъ обольститель, вторгнувшійся въ область Церкви. Ибо *главы* суть вмѣстилища замысловъ и предприятий, а *рога*—орудія насильственной и упорной внѣшней дѣятельности. *діадимы* же суть знаменія владычества.

Что касается до опредѣленныхъ чиселъ *седми* и *десяти*, не легко и братья опредѣлять ихъ со всею точностію, по опасенію чтобы, какъ нечаянно и невольно не допустить произвола и натянутости толкованія тайны чиселъ. Впрочемъ, никакъ не слѣдуетъ ни отрицать, ни даже ослаблять того, что *седмью* главами въ діадимахъ, и *десятью* рогами змія знаменуются опредѣленныя господствующія начала и силы, или способы, съ какими прокрался въ область Церкви онъ *древній змій*, съ лстивымъ для людей направлениемъ равнобожескихъ притязаній. На истину, разрѣшающую смыслъ опредѣленныхъ здѣсь чиселъ, наводитъ нашу, *испытующую Писакія*, мысль то замѣчательное обстоятельство, что одни и тѣ же опредѣленныя числа и образы *седми главъ* и *десяти роговъ*, встрѣчаются въ Апокалипсисѣ тоекратно, и именно всякій разъ, какъ является тотъ или другой звѣровидный, господствующій въ своей области и времени, врагъ Церкви: кромѣ *змія* еще и у *звѣря*, сопровождаемаго своимъ звѣрообразнымъ же пророкомъ (XIII гл.), и у *звѣря бездны* (XVII гл.), также *седмь главъ* и *десять роговъ*. Очевидно, что это какія то общія начала и орудныя для борьбы способы разнообразныхъ видовъ и преобладаній духовнаго зла. Но духовное зло, какъ глубоко и справедливо разсуждаетъ блаженный Августинъ, не имѣетъ въ себѣ какой-либо самостоятельной сущности: оно есть

собственно только недостатокъ, отрицаніе добра, какъ тьма есть отсутствіе свѣта, а не какая-либо особая сущность. Поэтому, для раскрытія и опредѣленія указуемыхъ въ откровеніи однихъ и тѣхъ же общихъ тайнъ разнovidнаго духовнаго зла слѣдуетъ обратить вниманіе на отрицаемые или извращаемые этимъ зломъ общіе способы и начала добра. Добро для насъ существенно содержится въ Самомъ Христѣ и Его правдѣ. Но Христосъ въ самомъ Апокалипсисѣ, является Агнцемъ, имѣющимъ *роговъ семь и очей семь, еже есть семь духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю* (V, 6), соотвѣтствующихъ седмеричному именно числу главныхъ даровъ Св. Духа, и спасительныхъ тайнствъ благодати (см. изслѣд. М. гл.): противоборныя этимъ семи силамъ и способамъ Христовой благодати, отрицающія и обезсиливающія это добро Христово, начала духовнаго зла, въ томъ или другомъ изъ господствующихъ его видоизмѣненій, и суть *семь главъ* того или другого духовнаго чудовища. Также Христова правда еще въ Ветхомъ Завѣтѣ была предъявлена, и Апокалипсисомъ, въ концѣ именно предыдущей главы (XI, 19) въ своей окончательной опредѣленности указана въ образѣ *Ковчега Завета*, вмѣщавшаго въ себѣ, какъ извѣстно, скрижали Богоначертаннаго *десятословія* или десять заповѣдей Божіихъ: противоборныя этимъ заповѣдямъ и изреченіямъ Христовой правды способы того или другого преобладающаго видоизмѣненія зла духовнаго и суть *десять роговъ* этого чудовища. Само собою разумѣется, что эти семь главъ и десять роговъ у *змія*, должны соотвѣтствовать духу именно равнобожескихъ притязаній, проторгшемуся въ самую Церковь или открывшему фальшивое церковное направленіе.

И хвостъ его отторже третію часть звѣздъ небесныхъ и поверже я на землю. Вообще, свѣтила, къ которымъ относятся и *звѣзды*, знаменуютъ область просвѣщенія, какъ намъ извѣстно изъ прежнихъ изслѣдованій, выше уже упомянутыхъ въ этой главѣ). Поэтому *поверженіе третей части звѣздъ на землю* указываетъ вообще на упадокъ и омраченіе очень значительной части просвѣщенія, имѣющее совершиться вслѣдствіе того направленія къ равнобожескимъ притязаніямъ, какое сатана успѣетъ внести въ самую область Церкви. Но судя по тому, что въ образѣ «звѣздъ»

книга Іова выражаетъ мысль именно объ Ангелахъ (Іов. XXXVIII, 7 евр.), можемъ примѣтить, что въ созерцаніи Тайнозрителемъ того ужаснаго переворота, какой въ области Церкви имѣлъ быть произведенъ древнимъ зміемъ, обольщающимъ человѣка—посагнуть на достоинство Божественное, предносился предъ его очами образъ паденія ангеловъ изъ свѣта во тьму, по обольщенію падшаго своего вождя—денницы ¹⁾. Это сообщаетъ всему мѣсту исключительную знаменательность, требующую дополненія изъясненій новыми исключительными чертами. Прежде всего замѣтимъ, что взоръ Тайновидца обращенъ былъ собственно на судьбы Церкви воинствующей и въ мірѣ духовномъ слѣдилъ только то, что имѣло непосредственное отношеніе къ судьбамъ земного міра и Церкви. Притомъ паденіе ангеловъ совершилось не въ продолженіе подвиговъ земной воинствующей Церкви, а еще прежде паденія челоуѣковъ; ибо послѣдніе и обольщены были уже падшимъ *денницею*. Итакъ не иначе, какъ по отношенію къ земному міру и Церкви должно изъяснять здѣсь образъ увлеченія змѣинымъ хоботомъ или хвостомъ небесныхъ звѣздъ съ неба на землю.

Хоботь, т. е. хвостъ змія указываетъ на послѣдствіе появленія въ области Церкви сего духа гордыни и властолюбія, влекущаго къ мечтѣ о равенствѣ съ Богомъ. Понятіе *звѣздъ* небесныхъ въ отношеніи къ Церкви воинствующей изъясняется сими словами Ап. Павла: *да будете неповинни и цѣли, чада Божія непорочна посреди рода строптиваго и развращеннаго, въ нихъ яже являетсѣя якоже свѣтила въ мірѣ, Слово живоотно придерживаще въ похвалу мнѣ*, и проч. (Фил. II, 15—16). Изъ этихъ словъ видно, что христіане, когда живутъ и дѣйствуютъ не по духу міра или рода строптиваго и развращеннаго, а по благодатному духу Христову, духу усыновленія Богу, по животворнымъ началамъ слова Божія, въ чистомъ и полномъ свѣтѣ Христовой истины и благодати,—возвышаются надъ симъ міромъ къ жительству небесному и являются *якоже свѣтила* или звѣз-

¹⁾ Отсюда открывается, что мысль нѣкоторыхъ св. Отцевъ о ниспаденіи духовъ тьмы съ неба именно на землю, подчиненную имъ еще въ ихъ первобытномъ состояніи, и уже съ земли въ бездну,—эта мысль не произвѣдѣва, а утверждена на воззрѣніи Тайновидца св. ап. Іоанна Богослова.

ды небесныя: держась во всемъ Самого Христа или возглавляясь въ Немъ Самомъ и единомъ, они имѣютъ благодатно свѣтлое *жительство на небесахъ*—въ Самомъ Христѣ. Отсюда же само собою изъясняется и то, какъ эти благодатныя звѣзды могутъ быть увлечены съ неба и низвергнуты на землю: когда христіане, пріявъ духа благодатнаго усновленія Богу и долженствуя во всемъ держаться своего Господа, увлекаются однако отъ Него духомъ міра и начинаютъ жить не по Самому Христу, возглавляясь не въ Немъ однимъ: то это и значитъ, что сіи звѣзды небесныя увлечены съ духовнаго неба и ниспали на низменность міра сего, во злѣ лежащаго. *Земля*, въ особенности, знаменуетъ (см. VIII гл.) земные общественные порядки или гражданское устройство: поэтому небесное въ Самомъ Христѣ жительство увлеченныхъ христіанъ измѣняется, видно, уже на земную область простого мірскаго гражданства. Теперь понятны и всѣ черты изъясняемаго образа: послѣдствіемъ вторженія въ область Церкви древняго змія—духа гордыни и властолюбія, посягающаго на присвоеніе достоинства равнобожественнаго, имѣло быть то, что, увлекшись его оболыщеніемъ и кознями, цѣлая треть православныхъ дотогѣ христіанъ, возглавленныхъ въ Самомъ Христѣ, вѣрно содержавшихъ потому Божественное слово жизни и являвшихся небесными свѣтилами въ мірѣ, ниспала съ такой высоты небснаго во Христѣ жительства въ дольную область мірскаго гражданства и, слѣдовательно, собственно мірскихъ (въѣ Христа полагаемыхъ) началъ, мірскихъ видовъ и цѣлей, мірскихъ предпріятій и дѣлъ. Само собою разумѣется, что съ столь низкимъ и фальшивымъ направленіемъ возрѣній христіанскихъ должно неминуемо падать у такихъ христіанъ и самое просвѣщеніе, а возвышенный свѣтъ вѣры долженъ уступать темному суетвѣрю.

Какъ Господь, возлюбившій Свою Церковь до смерти, допустилъ такое чрезвычайное лишеніе Церкви? какъ не пощадилъ небесныхъ свѣтилъ міра? Такіе и подобные вопросы и недоумѣнія духовныя предупреждены разрѣшеніемъ въ настоящемъ апокалипсическомъ видѣніи. Выше уже замѣтили мы, что духовнымъ очамъ Тайновидца, при созерцаніи имъ настоящей **п**ачевной тайны въ судьбахъ Церкви, предносился образъ паденія свѣтоносныхъ прежде духовъ, оболы-

ценныхъ падшимъ денницею. Черезъ это Духъ Святыи какъ бы такъ глаголетъ въ Своемъ откровеніи: Богъ есть любовь, безмѣрно любящая и держащая все истинно-благое, но и въ такой же мѣрѣ чуждая и отвращающаяся всего злаго, — готовая до крайняго и неизслѣдимаго снисхожденія и самопожертвованія для послушно пріемлющихъ такую благодать, но и рѣшительно, на вѣки отвергающая упрямыхъ и гордыхъ противниковъ. Такъ, и многочисленнаго лика Ангеловъ согрѣшившихъ и возгордившихся Онъ не пощадѣлъ, но низвергъ и узами мрака связалъ эти нѣкогда свѣтлыя звѣзды. Подобный судъ, и на тѣхъ же основаніяхъ, постигнетъ и свѣтоносныхъ чадъ Церкви, имѣвшихъ свободно подпасть влѣянію темнаго духа гордыни и противленія. Но имъ все же остается еще то преимущество, что Откровеніе не позволяетъ смѣшивать увлеченныхъ и обольщенныхъ ложью съ самимъ духомъ лжи и обольщенія, прямо здѣсь обозначеннымъ. Духъ лжи къ кому изъ немощныхъ людей не можетъ приражаться? Самому даже первоверховному Апостолу только что было сказано отъ Господа: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей*, — какъ его постигло такое адекватное искушеніе, что Господь же изрекъ ему это грозное прещеніе: «отойди отъ Меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ» и проч. (Мате. XVI, 18; 23). Послѣдовавъ несчастному Петрову увлеченію сатанинскимъ искушеніемъ, будемъ внимательны съ Петромъ и къ открытію истины Господней.

И змій стояше предъ женою, хотящею родити, да, егда родитъ, съѣстъ чадо ея. При ясности уже главныхъ понятій смыслъ сихъ словъ можно такъ изложить: духъ властолюбія и гордыни, имѣвшій вторгнуться съ своими обольщеніями въ область самой Церкви, угадаетъ пріемлемость и готовность къ христіанству въ новыхъ племенахъ, въ нѣкоторой могучей народности—примѣтитъ и станетъ слѣдить подвиги и усилія православной Церкви обратить этотъ народъ въ христіанство, духовно усмотритъ и могущественное содѣйствіе сему Заступницы рода человѣческаго Богоматери: и съ своей стороны будетъ брать уже мѣры запутать этотъ народъ или племена въ губительныя сѣти своего властолюбія при самомъ обращеніи его въ христіанство, дабы, не давъ ему и пожить небесною и духовно-благодатною жиз-

нію, сообщить самому его христіанству направленіе собственно мірское.

Посмотримъ, однакожь, чему быть предназначилъ чело-вѣколюбець Господь, провидѣвшій такія козни чело-вѣкоубійцы.

И роди (жена) сына мужеска, иже имать упасти вся языки жезломъ жельзнымъ: и восхищено бысть чадо ея къ Богу и престолу Его. А жена бѣжа въ пустыню, и дѣже имѣ мѣсто уготовано отъ Бога, да тамо питается двѣи тысячу двѣсти и шестьдесятъ (ст. 5. 6).

И роди: т.-е. Церковь Христова, открытая въ полномъ свѣтѣ своего православія, всецѣло Апостольская, имѣющая и знающая Единого Главу, не смѣшиваемаго ни съ однимъ изъ Апостоловъ, слѣдовательно, единственно Самого Христа, успѣетъ безпрепятственно возродить означаемый здѣсь народъ въ благодатную жизнь,—разумѣется, чрезъ обращеніе его ко Христу и св. Крещеніе. Нераздѣльно съ симъ и Милосердая Матерь Божія, сіяя для Церкви и міра Своею славою и благодатію, благодатно усыновитъ Себѣ новый христіанскій народъ, принявъ его подъ особенное матернее Свое покровительство и ходатайство предъ Богомъ. Точность сего изъясненія утверждается выше раскрытымъ значеніемъ жены.

Сына мужеска, иже имать упасти вся языки жезломъ жельзнымъ. Выше уже было говорено, что еще въ Вѣтомъ Завѣтѣ открыто было о власти и силѣ Христовой—*упасти вся языки жезломъ жельзнымъ* (пс. 2-й). Что впрочемъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апокалипсиса рѣчь идетъ не лично о Христѣ, а только о Его благодати, власти и силѣ, сообщаемой вѣрѣ и дѣйствующей въ вѣрующихъ, или о Самомъ же Христѣ, но насколько Онъ вселяется и дѣйствуетъ въ вѣрующихъ, это ясно изъ всѣхъ представленныхъ здѣсь обстоятельствъ чревоношенія, и рожденія, и воспитанія сего сына мужеска, иже имать упасти вся языки жезломъ жельзнымъ. Обстоятельства сіи нейдутъ къ лицу Самого Иисуса Христа и не оправдываются Евангельскою исторіею о Немъ. Что же касается до вѣрующихъ, мы видѣли, какъ идутъ къ нимъ обстоятельства чревоношенія и рожденія онаго сына мужеска. Увидимъ далѣе отношеніе къ нимъ и прочихъ обстоятельствъ новорожденнаго отъ жены таинствен-

ной. И, во-первыхъ, Христосъ вѣрою вселяется въ сердце (Еф. III, 17) обращающихся къ Нему и чрезъ крещеніе со-общающихся самой силы смерти и воскресенія Его (Рим. VI, 3—4). На этомъ основаніи, власть и сила—*пасти языки жезломъ желѣзнымъ*, составляющая существенную собствен-ность Самого Христа, и можетъ усвоиться вѣрующимъ въ Него и раскрываться въ благодатной жизни возрожденныхъ. *Побѣждающему и соблюдающему дѣла Моя до конца*, го-воритъ Самъ Господь Иисусъ въ сей же священной книгѣ (II, 26—28), *дамъ ему власть на языцѣхъ и упасетъ я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничии сокрушатся, якоже и Азъ пріяхъ отъ Отца Моего*. Когда же и дѣйстви-тельно Церковь породила такого сына мужеска, *иже имать упассти вся языки жезломъ желѣзнымъ*, то значить, что здѣсь имѣется въ виду такой новообращенный и возрожден-ный въ христіанство, въ которомъ Христосъ Богъ провидѣлъ *соблюденіе дѣлъ Его*, т.-е. правой и дѣятельной вѣры въ Него (Іоан. VI, 28—29), имѣвшее выполняться до конца, въ которомъ, посему, Онъ и назначилъ проявить Свою чрезвы-чайную благодать—*пасти вся языки жезломъ желѣзнымъ*. Какъ выше (ст. 3) змій или драконъ взять не просто въ от-влеченномъ своемъ сатанинскомъ существѣ, а въ значеніи сатанинскаго начала, имѣвшаго воздѣйствовать на *небѣ* цер-ковномъ въ отпадающихъ отъ живого главенства Христа, чрезъ мечту о человѣческомъ гордомъ главенствѣ; такъ и здѣсь Господь, единъ имѣющій силу *упассти вся языки*, созерцается не въ отдѣльной отъ насъ собственной лично-сти, а въ значеніи начала или Главы, возглавляющей въ Себѣ право и истинно вѣрующихъ.

Во-вторыхъ, когда образъ сего сына мужеска никакъ не можетъ быть отнесенъ лично ко Христу, а только къ возро-жденному во Христѣ, имѣвшему соблюсти дѣла Его до кон-ца, то подъ образомъ сего сына должно разумѣть точно не одного вѣрующаго человѣка, а, по крайней мѣрѣ, цѣлый и притомъ великій народъ ¹⁾. Ибо Христова сила и власть

¹⁾ Выше мы сказали: и даже многонародный родъ.—Здѣсь и далѣе оста-навливаемся на понятіи—только просто народа: потому что подъ это ко-нчатіе можетъ подходить и развѣтвленный на отдѣльныя частіи народ-ности—родъ.

уласти вся языки жезломъ желѣзнымъ вполнѣ вмѣстима лично только для Него Самого, но, по ограниченности чело-вѣковъ, никакъ невмѣстима ни для одного изъ недѣлимыхъ, а требуетъ для своего раскрытія нѣсколькихъ поколѣній и продолжительныхъ временъ, цѣлаго великаго народа, (по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ избранныхъ) преданнаго Хри-сту и вѣрно соблюдающаго дѣла Его. Далѣе увидимъ, что точно великій рядъ вѣковъ опредѣляется для жизни и дѣя-тельности сего сына мужеска. Представленіе не только на-рода, но и всего спасаемаго человѣчества подъ образомъ недѣлимаго, и именно сына и наслѣдника благодати, на-ходимъ даже и въ учительномъ отдѣлѣ священныхъ книгъ Новаго Завѣта (Гал. IV, 1—3). Впрочемъ, вся сила здѣсь не въ многочислѣ народномъ, а въ Самомъ Господѣ, на-сколько Онъ вселяется и дѣйствуетъ въ вѣрующемъ народѣ.

Въ - третьихъ, когда подъ образомъ новорожденнаго бла-годатію разумѣется великій, имѣвшій принять Православ-ную вѣру, народъ: то ясно, что и названіе его *сыномъ муже-скимъ* указываетъ собственно не на мужескій полъ новоро-жденнаго, а на свойственную мужескому полу твердость, силу и могущество, которыми будетъ обладать провидѣнный Тайнозрителемъ Православный народъ. Это подтверждается и самымъ назначеніемъ его *уласти*, по силѣ и власти Хри-стовой, *вся языки жезломъ желѣзнымъ*. Впрочемъ, сѣ назна-ченіе требуетъ еще подробнаго изъясненія.

Но главное, въ - четвертыхъ, какъ бы ни былъ великъ и развѣтвленъ разумѣемый здѣсь народъ,—Откровеніе беретъ или обозначаетъ здѣсь его только въ томъ отношеніи и зна-ченіи, сколько онъ возглавлялся бы въ Самомъ Христѣ и держался бы Его Самого, какъ начала своей силы, мысли и жизни.

Жезлъ есть символъ царственной власти (пс. XLIV, 7). Жезлъ *железный*, по свойству сего металла, есть символъ твер-дой и строгой власти. А такъ какъ здѣсь рѣчь о проявлен-ніи Христовой силы и власти не лично въ Самомъ Христѣ, а по Его благодати и вѣрѣ въ Него—въ провидѣнномъ отъ Апостола Православномъ народѣ: то символъ желѣзнаго жезла, назначаемаго сему народу, знаменуетъ, что въ семъ народѣ имѣетъ быть освященная Христовою благодатію и преданная Христу и Церкви твердая Царственная власть. и. такимъ образомъ, этотъ народъ явится твердою и гроз-

ною, по Православной вѣрѣ во Христа и по Его силѣ, державою. Такъ какъ еще сей Православный народъ, какъ показано уже выше, имѣлъ поступить въ истинно - материнскую любовь Божіей Матери: то грозно державный жезлъ будетъ принадлежать сему народу, какъ благодатно усыновленному во Христѣ державной Воеводѣ—Пресвятой Богородицѣ, или точнѣе,—онъ есть собственность единственнаго Ея Сына Христа Бога, Котораго только будетъ усвоять себѣ вѣрующій народъ.

Подъ *языками* разумѣются языческіе народы, или водящіяся духомъ языческимъ, языческою враждою противъ Бога истиннаго и Его Церкви. Такъ, во 2-мъ псалмѣ, изъ котораго взяты въ Апокалипсисѣ разсматриваемыя слова, подъ *языками*, отданными Христу на спасеніе жезломъ желѣзнымъ, разумѣются и боговраждебные іудеи,—сіи еще прежде язычниковъ спасены были желѣзнымъ жезломъ Божественнаго Царя Христа. Такъ и въ предшествующей главѣ Апокалипсиса подъ разсвирѣпѣвшими язычниками разумѣются и наслѣдовавшіе языческую вражду противъ Церкви Византійскіе императоры-иконоборцы и магометанскіе притѣснители Христіанства. Сказано: *вся языки*, прямо въ подтвержденіе, что здѣсь разумѣются не только языческіе народы въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и водящіяся духомъ языческой вражды противъ Церкви—магометанскіе народы и имѣвшіе воспріять подобный же духъ лже-христіанскіе цари и народы. Главнымъ же образомъ мы, новозавѣтные, должны помнить, что *нѣсть наша брань* собственно къ плоти и крови, но къ началомъ духовнымъ (Еф. VI, 12). Потому *вся языки* означаютъ главнымъ образомъ языческій духъ, взятый во всѣхъ областяхъ, во всей многосложности и разносторонности его раскрытія.

Упасти жезломъ желѣзнымъ, въ извѣстномъ уже смыслѣ сего слова—*упасти* движимыхъ мятежнымъ противъ Христа и Его Церкви духомъ царей и народовъ, значитъ или приводить ихъ въ покорность вѣрѣ, или покорять ихъ только самой этой державѣ Православно-христіанской, или лишать ихъ силы и возможности вредить Христіанству, или даже ниспровергать и разрушать Боговраждебныя ихъ царства, особенно же и главнымъ образомъ: ниспровергать и упразднить въ нихъ Боговраждебность языческую, или самый духъ языческій во всей разносторонности и многосложности его

раскрытія. Такъ, во 2-мъ псалмѣ послѣ словъ: *упасемъ Я жезломъ желѣзнымъ*, въ усиленіе и объединеніе оныхъ прибавлено: *яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (ст. 9); а въ событіяхъ это произошло главнымъ образомъ чрезъ ниспроверженіе самаго язычества. Для дальнѣйшаго раскрытія смысла упасенія всѣхъ языковъ, подлежащаго воздѣйствію Христову чрезъ избранный на это народъ, надо взять во вниманіе, что въ предыдущей (XI-й) главѣ уже указано христовраждебное гражданство, открытое *звѣремъ бездны* — магометанствомъ, а въ настоящей главѣ показано губительное усиленіе *змія* — духа превозношенія, оказавшагося въ *самомъ небѣ* — области Церкви и низвергшаго весьма многихъ изъ этого неба на землю, въ слѣдующей же главѣ увидимъ преобладаніе *звѣрей*, имѣвшее въ себѣ воспроизвестъ боговраждебный духъ древнихъ языческихъ преобладаній надъ Израилемъ: силу и власть Христову *упасти вся языки* всѣхъ этихъ родовъ Откровеніе, конечно, и предугадываетъ здѣсь, какъ имѣющую воздѣйствовать такъ или иначе чрезъ мужественный Христомъ народъ — чадо Православной Церкви. И дѣйствительно, ниже въ Апокалипсисѣ (XIX, 15), Господь является въ самомъ дѣйстви *посенія языковъ*, поражая и низлагая именно тѣхъ своихъ враговъ, которыхъ духовно-языческое направленіе означено въ слѣдующей главѣ подѣ образомъ *звѣрей* (19—21 сл., сл. XIII гл.). Такъ-то, еще не успѣли вполнѣ обозначиться въ Апокалипсисѣ враги вѣры и Церкви, водящіеся языческимъ духомъ, какъ уже представляется на видъ могучее Христово орудіе къ упасенію всѣхъ такого рода языковъ.

Къ сказанному прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній, могущихъ послужить къ большому раскрытію глубины сего пророчественнаго откровенія. И, во-первыхъ, такъ какъ означенное упасеніе *языковъ* имѣло совершиться, какъ показано выше, собственно по вѣрѣ во Христа и Его силу: то необходимо, чтобы оно, при всей своей грозности, имѣло совершиться согласно съ духомъ христіанства, и, слѣдовательно, не въ духѣ самолюбивой вражды или метительности, властолюбія или корыстолюбивыхъ расчетовъ, но въ духѣ челоувѣколюбія, справедливости, великодушнаго самопожертвованія, терпѣнія тяжкихъ испытаній, искренней ревности о безопасности и достоинствѣ Православныхъ христіанъ, вообще — въ духѣ Христовой всепрю-

свѣтительной истины и всеоживляющей благодати. Въ противномъ случаѣ сей народъ измѣнялъ бы своему великому назначенію, чтобы чрезъ его вѣру и вѣрность воздѣйствовала сила и держава собственно Христова. Христовъ низложилъ и сокрушилъ язычество, какъ и іудейство и вообще все враждебное, существовавшее тѣмъ, что предалъ Самъ Себя какъ Агнца на закланіе за грѣхи враждебнаго Ему міра. Но Онъ и вчера, и днесь, и во вѣки Той-же. Въ такомъ человѣколюбивомъ, а не въ инаковомъ, духѣ Онъ пасетъ боговраждебные языки, насколько вселяется и дѣйствуетъ и въ вѣрующемъ народѣ или въ одномъ человѣкѣ. Во-вторыхъ, такъ какъ дѣло сего спасенія присвоено вообще сыну мужеску или могущественному и мужественному Православному народу: то ясно, что и каждый членъ, или каждое частное званіе сего народа должно имѣть соответственное своему роду и значенію участіе въ такомъ грозномъ для лжи языческой спасеніи всякихъ языковъ. Служители Церкви имѣютъ раскрывать истину Христову къ низложенію всякой языческой лжи, възгрѣвать въ народѣ духъ послушливой и правой вѣры во Христа и низводить на всю державу освященіе и помощь Христовой благодати; христілюбивое воинство будетъ твердо подвизаться за вѣру, царя и отечество; весь гражданскій порядокъ имѣетъ быть развитъ изъ началъ закона Христова и направленъ къ утвержденію Православія и т. д. Въ-третьихъ, поелику сынъ мужескій имать упасти вся языки именно жезломъ желѣзнымъ, знаменующимъ твердую и грозную для непокорныхъ державную власть: то выходитъ, что твердая и строгая царственная власть въ ономъ народѣ избирается въ особенно благопотребное орудіе силы Христовой къ спасенію всякихъ враждебныхъ Церкви языковъ или, что то же, къ сохраненію и торжеству Православія надъ всякою языческою враждебностію противъ онаго. Само собою разумѣется, что служить такому благодатному назначенію сей державы предоставлено собственно живой вѣрѣ, неотступно держащейся Самого Христа, какъ Главы на все, и развѣ только ради вѣры внѣшнему значенію кого бы то ни было въ этой державѣ. Наконецъ, и еще повторимъ, и будемъ имѣть въ особенномъ вниманіи, что такое великое назначеніе предоставляется ему Православному народу, какъ содѣлавшемуся во Христвѣ

сыномъ Царицы Небесныя,—державныя Помощницы, и слѣдовательно имѣеть выполняться не иначе, какъ подъ Ея материнскимъ покровомъ и державою непобѣдимую, при Ея ходатайствѣ за сей народъ предъ Господомъ.

Изъ всѣхъ указанныхъ признаковъ сего благословеннаго народа, провидѣннаго Тайнозрителемъ за нѣсколько вѣковъ, уже ясно, какой именно этотъ народъ, обращае́мый въ Православное христіанство по открытіи въ Церкви духа мірскаго властолюбія, увлекшаго уже отъ правой вѣры и жительства небеснаго въ дольную область мірскаго владычества—цѣлую треть Христіанскаго міра. Но посмотримъ, что по Апокалипсическому видѣнію имѣло послѣдовать въ первыя времена по обращеніи сего народа—какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ возродившею его Церковію Православною; и потомъ уже представимъ все это пророчество въ самомъ исполненіи онаго.

И восхищено бысть чадо Ея (жены) къ Богу и престолу Его. Въ IV гл. Апокалипсиса изображена эта самая горняя, какая только доступна для вѣры, область, гдѣ находится престоль Божій и на престолѣ Самъ Господь Богъ Вседержитель. Чтобы дѣйствительно быть въ сей области, не довольно только внѣшнимъ образомъ принадлежать благодатному небесному Царству Христову или Церкви, но нужно еще, если не открытыми созерцаніями—по приѣмлемости и достоинству, то по крайней мѣрѣ духомъ живой вѣры войти во внутренность или въ самую силу благодатнаго Христова царства. *Дверь* сюда въ благодатномъ небесномъ Царствѣ всегда отверзта: это есть Самъ Христосъ (Іоан. X гл.) или любовь Отца Небеснаго, въ Единородномъ почивающая, которая чрезъ домостроительство Его воплощенія открыта и простерта и къ намъ грѣшнымъ людямъ. Входя сею дверью, будемъ имѣть доступъ къ самому престолу благодати, и тамъ очами вѣры или внутренняго человѣка созерцать Отца Небеснаго, открывающаго Себя въ существенномъ Своемъ сіяніи—Господѣ Іисусѣ и въ Немъ же изливающаго на приѣмлющихъ животворную благодать Святаго Духа. Входя въ силу и духъ Четверо-Евангелія, повѣствующаго о Господѣ Іисусѣ, какъ Онъ открылъ въ Себѣ людямъ, для спасительнаго познанія и общенія, почивающее въ Немъ со веѣми сокровищами Бо-

жества благоволеніе Отца Небеснаго, будемъ разумѣть сіе Четверо-Евангеліе, истинно какъ четыре, *преисполненныя очами спереди и созади и внутрь-уду*, Серафимо-Херувимскія животныя, *находящіяся посредь и окрестъ престола* благодати. Понимая и ощущая силу и духъ и всѣхъ книгъ Новаго Завѣта, какъ начертываемыхъ Духомъ Божиимъ на скрижаляхъ самаго сердца вѣрующихъ, управляющихъ ихъ вѣрою и жизнію и обращающихъ духовныя ихъ взоры всегда къ самому престолу благодати, будемъ видѣть въ нихъ точно двадцать четыре старца, сѣдящія въ вѣнцахъ на престолахъ предъ самымъ престоломъ благодати. Въ одинъ и тотъ же образъ, съ мыслию о Божественномъ Писаніи Новаго Завѣта, будетъ сливаться у насъ и представленіе о пастыряхъ Церкви, когда будемъ имѣть о нихъ живое духовное понятіе, какъ о носящихъ для насъ въ своихъ устахъ и сердцѣ слово и благодать Новаго Завѣта Божія. Самое существо Агнца Божія, закланнаго за грѣхи міра и содержащаго всю полноту благодати, имѣемъ и воспринимаемъ въ Евхаристіи. И, такимъ образомъ, *приступаемъ къ тма.нъ Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ на небеси написанныхъ*, къ всемірному славословію Бога и Спасителя и пр. (см. все сіе въ IV и V гл. Апокалипс.). Сообщить такіа духовныя воззрѣнія или дать такое благодатное направленіе вѣрѣ новообращеннаго народа и значитъ восхитить сіе новорожденное чадо благодати *къ Богу и престолу Его*. Обращая же вниманіе на связь сего образа съ другими предметами разсматриваемаго видѣнія, можемъ усмотрѣть нѣчто новое въ дополненіе показаннаго смысла. Выше Тайнозритель замѣтилъ, что змій наблюдалъ за женою, *да, егда родитъ, снѣсть чадо Ея* (ст. 4); ниже также указывается вражда змія съ самими небожителями и женою (ст. 7—13). Между тѣмъ *ея сынъ мужескъ* предполагается въ безопасности и удаленіи отъ козней змія. Видно, что не только въ самую жизнь и духъ возрожденнаго во Христѣ народа введены благодатно-духовныя воззрѣнія Православія, но этотъ народъ и внѣшнимъ образомъ поставленъ въ нѣкоторое отдаленіе отъ области движенія и преобладанія онаго духа властолюбиваго и посягающаго на равно-Божественное достоинство, который опустошилъ цѣлую треть одержанія Церковнаго. Видно, что этотъ народъ сталъ жить духовно-

православною жизнію, не входя въ столкновенія и связи съ потемненною, хотя и христіанскою областію поверженныхъ на землю небесныхъ звѣздъ. При семъ само собою разумѣется, что такой новообращенный народъ поставленъ и сталъ жить небесными воззрѣніями и небеснымъ духомъ Православія именно такъ, какъ еще новорожденное чадо Церкви и благодати,—нуждаясь въ руководствѣ своихъ просвѣтителей, вразумляясь особенно благодатнымъ чиномъ и принадлежностями Богослуженія, непосредственно дѣйствующими на духъ и самыя чувства и проч. Само собою также разумѣется, что различные члены сего новообращеннаго народа не иначе, какъ въ разныхъ степеняхъ, по мѣрѣ своей вѣры и сообразно своему званію, имѣли возвышаться къ Богу и престолу Его. Наконецъ, паче всего будемъ помнить и имѣть въ виду, что сей народъ назнаменованъ въ Апокалипсисѣ, какъ благодатное во Христѣ чадо самой Матери Божіей, и слѣдовательно, имѣло быть восхищено къ Богу и престолу Его, подъ кровомъ и ходатайствомъ Пресвятыя Богородицы.

А жена бѣжа въ пустыню, и дѣже имѣ мѣсто уготовано отъ Бога, да тамо питается дни тысячу двѣсти и шестьдесятъ. Объяснимъ по обычаю, сначала частныя понятія, а потомъ изложимъ и общую мысль всего стиха.

Въ образѣ *жены*, убѣжавшей въ пустыню, какъ уже знаемъ, представляется Православная Церковь, которая послужила возрожденію новообращеннаго народа. Но при семъ не опустимъ и здѣсь изъ вида, что въ образѣ *жены* отражаются и Боголѣпныя черты лица Пресвятой Богородицы.

Образомъ *пустыни* опредѣляется, по отношенію къ Церкви, внѣшнее ея положеніе. Какое именно? *Пустыня* противоположна мѣстамъ населеннымъ, каковы въ особенности города. Когда Церковь водворяется въ христіанскомъ государствѣ, ограждаясь совнѣ гражданскою властію, законами и порядками сего государства; то она пребываетъ во градѣ, который, въ семъ смыслѣ, и поименованъ въ предъидущей главѣ, градомъ *святымъ* (XI, 2). Посему и наоборотъ, если Церковь, по внѣшнему положенію своему въ какой-либо странѣ, лишается покровительства христіанскихъ властей и выходитъ изъ ограды законовъ и учрежденій хри-

христіанскаго государства,—то такое внѣшнее положеніе Церкви и будетъ пустынею. Изъ продолженія Апокалипсиса, можно не только подтвердить, но и точнѣе опредѣлить показанное значеніе пустыни. Въ гл. XVII Тайнозритель говорить, что онъ приведенъ былъ *въ пустое мѣсто* (греч. «въ пустыню»), и здѣсь увидѣлъ блудницу, сѣдящую *на звѣрѣ, исходящемъ изъ бездны* и знаменующую градъ великій (см. 3, 8 и 18 ст.). Но образы *града великаго* и *звѣря, исходящаго изъ бездны*, уже въ предыдущей главѣ встрѣчались намъ и нами изъяснены: *звѣрь бездны* знаменуетъ лживую вѣру или религиозный фанатизмъ магометанства, а *градъ великій* означаетъ гражданскую область того же магометанства. Отсюда, отрывается, что означенною пустынею, для Православной Церкви, предопредѣлено быть именно опустошительному преобладанію надъ нею магометанства.

Значеніе *бѣгства* жены въ пустыню, объясняется уже само собою изъ вышесказаннаго; это бѣгство есть выходъ Православной Церкви изъ-подъ покровительства и изъ ограды христіанскаго гражданства въ пустыню преобладанія магометанскаго. Впрочемъ настоящее бѣгство Церкви въ сію пустыню не есть окончательное и совершенное водвореніе Православной Церкви въ пустынь преобладанія магометанскаго. Ибо и ниже (ст. 14); представляется жена еще не водворившеюся въ пустынь, а только летящею въ эту пустыню. Самое указаніе, въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ только еще на *уготованіе* для жены мѣста въ пустынь, *да тамо питается* она опредѣленное время, — подтверждаетъ эту мысль, что совершенное водвореніе и препитаніе Церкви Христовой въ пустынь относится еще къ послѣдующимъ временамъ. Итакъ, бѣгство жены въ пустыню означаетъ только предварительное и предуготовительное движеніе святой Церкви въ пустыню магометанскаго преобладанія. За этимъ *бѣгствомъ* должно, по Апокалипсису, слѣдовать еще *пареніе* или полетъ этой таинственной жены въ пустыню (14 ст.), предварительно окончательнаго или совершеннаго водворенія здѣсь жены.

Самое изображеніе бѣгства жены въ пустыню, гдѣ уготовано Богомъ мѣсто для ея препитанія, имѣетъ очевидное сродство съ слѣдующими изреченіями псалмовъ: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасаю-*

щого мя отъ малодушія и отъ бури (пс. LIV, 8—9), такъ говорить Боголюбивая душа, смятенная *отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшника, видящая беззаконіе и пререканіе во градъ* (ст. 4, 11); и еще: *имене твоего ради наставиши мя и препитаеши мя. Изведеши мя отъ стѣти сея* и проч. (пс. XXX. 4—5),—такъ говорилъ молитвенникъ, преслѣдуемый тайными кознями и открытою злобою враговъ. Отсюда открываются новыя знаменательныя черты бѣгства жены въ пустыню магометанскаго преобладанія. Видно, во градѣ христіанскаго государства, въ которомъ водворилась Христова Церковь,—имѣли слишкомъ умножиться молва и лесть, беззаконія и пререканія, равно и опасности отъ козней враговъ; и потому пустыня магометанскаго преобладанія, при всей своей враждебности Христіанству, была въ распоряженіяхъ Промысла благопотребнымъ и нарочито устроеннымъ убѣжищемъ, гдѣ Православная Церковь могла бы поддерживать, возгрѣвать, питать свой духъ Православія твердою пищею креста. Частныя способы *препитанія* Церкви въ такой пустынь изясняются изъ тѣхъ обстоятельствъ Церкви Ветхозавѣтной, когда, по изведеніи чадъ ея изъ Египта, до сорока лѣтъ *препита ихъ Господь въ пустынь* (Дѣян. XIII, 18): для нихъ манна сходила съ неба, столпъ огненный и облачный показывалъ имъ путь, вода истекала изъ камня, враги низлагаемы были оружіемъ молитвы Моисеевой. Видно, что и чада Христовой Церкви не только въ предначинательномъ бѣгствѣ, но и по вселеніи своемъ въ пустыню магометанскаго преобладанія имѣли безпрепятственно пользоваться небесною манною Слова Божія и таинствъ, облакомъ и огнемъ благодати, оружіемъ благопріемлемой молитвы и проч.

Періодъ времени, назначенный для препитанія Церкви въ известной пустынь, по Апокалипсису объемлетъ *тысячу двѣсти шестьдесятъ дней*, т.-е. столько же, какъ и періодъ могущественнаго свидѣтельства двухъ пророковъ, указанныхъ въ предыдущей главѣ (XI, 3). Означенное число дней составляетъ, полагая на мѣсяць круглымъ числомъ по 30-ти дней, ровно 42 мѣсяца и слѣдовательно три года съ половиною Апокалипсическаго времени:—таинственный періодъ времени, строго соответствующій продолженію общественнаго Христова служенія спасенію людей или, что то же, созиданію новозавѣтной Церкви. Видно, что крестное, но духовно-

питательное поприще для Церкви строго соразмѣрено съ Христовымъ крестоноснымъ служеніемъ, какъ своимъ основаніемъ и первообразомъ. Но за этимъ возьмемъ во вниманіе и то, что апокалипсическіе три года съ половиною объемлютъ, какъ извѣстно намъ изъ предыдущихъ изслѣдованій (см. XI, 2, 3 сл. IX, 15) около трехъ съ половиною вѣковъ историческаго времени. Такое опредѣленіе апокалипсическаго исчисленія времени для насъ уже оправдано было выше самими событіями, безъ противорѣчія слову Христову: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи въ Своей власти* (Дѣян. I, 7). Апокалипсическое исчисленіе времени опредѣлилось для насъ самымъ откровеніемъ, раскрытымъ событіями. Но спрашивается: съ какого предѣла начинается въ настоящемъ мѣстѣ Апокалипсическое исчисленіе времени? Означенное продолженіе времени назначено собственно уже для препитанія и, слѣдовательно, для окончательнаго вселенія Церкви въ пустынь, что настоящимъ бѣгствомъ жены въ пустыню только еще приготавливалось. Итакъ, около трехъ вѣковъ съ половиною назначается для магометанскаго преобладанія надъ Православною Церковію уже послѣ всецѣлаго паденія въ ея области прежняго христіанскаго гражданства, послѣ покоренія магометанами всѣхъ остатковъ этого гражданства.

По отношенію же къ лицу Богоматери, отображающемуся въ изображеніи жены,—мѣсто, уготованное для жены въ *пустынь*, указываетъ на какой-либо пустынный удѣлъ или жребій, предназначенный отъ Бога для вселенія и проявленія особенной благодати Богоматери; возжелѣнная для материнской любви Богородицы *нища* есть вѣра, любовь и упованіе на Христа, а по Христу и къ Ней обращенныя съ особенною силою; самыя слова: *жена бѣже въ пустыню*, могутъ указывать на приближеніе Богоматерней благодати, открытое вѣрѣ въ пустынножителствѣ.

Соображая всѣ раскрытыя выше частныя понятія сего стиха, общую его мысль относительно Православной Церкви такъ можемъ изложить въ связи съ предыдущимъ: «когда новый мужественный народъ обратится къ Православной вѣрѣ, и восприметъ вѣрою Христа, то послужившая этому его возрожденію Христова Церковь имѣла сдѣлать быстрое и сильное движеніе къ выходу изъ *святаго града* православной

Имперіи *въ пустыню* магометанскаго преобладанія. Впрочемъ, это должно было послужить отнюдь не ко вреду и ниспроверженію этой Церкви. Напротивъ, симъ образомъ Господь Богъ предуготовлялъ заблаговременно то, чтобы, при умноженіи въ прежнемъ христіанскомъ гражданствѣ корыстолюбія и хитрости, смущеній и пороковъ, равно и опасностей отъ козней враговъ Православія,—пустыня магометанскаго порабощенія послужила для Православной Церкви временнымъ убѣжищемъ, гдѣ она наконецъ на цѣлые три вѣка съ половиною и водворится и, по благодати Христова крестоносца за Церковь пути, будетъ поддерживать въ себѣ духъ Православія твердою пищею креста и питать своихъ чадъ своими духовно-благодатными способами». Таково значеніе всего стиха относительно самой Церкви.—Возводя же взоры къ отраженію, въ образѣ жены, Богосвѣтлаго лица Богоматери, мы должны прибавить къ сказанному слѣдующее: «въ показанныхъ обстоятельствахъ Церкви Православной, Сама Матерь Божія будетъ, видно, имѣть въ какой-то пустынѣ Свой удѣлъ или жребій, еще прежде указанный отъ Бога для вселенія особенной Ея благодати, и въ сей пустынѣ будетъ находить вождедѣнную для Ея материнской любви пищу особенныхъ вѣры, любви и упованія на Христа, а по Христѣ и къ Ней обращенныхъ, какъ и Сама откроетъ здѣсь для вѣры особенное убѣжище Своей любви и благодати».

Раскроемъ теперь разсмотрѣнную часть пророчесвеннаго видѣнія, изображаемаго въ главѣ XII-й, въ самыхъ событіяхъ или въ историческомъ исполненіи.

Послѣ торжества Православія, въ какомъ явилась Церкви при Императрицѣ Теодорѣ, и на какое мы уже имѣли случай указать,—былъ еще особенно важный случай для Вселенской Церкви явиться въ солнечномъ свѣтѣ правой вѣры, съ поправленіемъ измѣненій и нововведеній, сдѣланныхъ по измышленіямъ человѣческимъ,—явиться Церковію истинно Апостольскою, имѣющею и признающею Единого Главу Христа для всего вселенскаго церковнаго состава. Это было въ 879 году на соборѣ, на которомъ были представители всѣхъ въ мірѣ частныхъ церквей и который посему нѣкоторые называютъ (какъ и онъ самъ называлъ себя) *Вселенскимъ*: на семъ Соборѣ, возстановившемъ Константинопольскаго па-

триарха Фотія, утверждено было соединеніе Церквей Восточной и Западной и отринуты нововведенія, допущенныя послѣднею. Отвергнувъ эти нововведенія, Вселенская Церковь являлась попирающею луну измѣнчивыхъ человѣческихъ мудрованій, облеченною въ солнце Православія, съ одною только Божественною Главою, носящею вѣнецъ, составленный совокупно всѣми двѣнадцатью Апостолами. Тогдашнее просвѣщеніе или область знаній, съ одной стороны раскрывая внутренній свѣтъ христіанства въ вѣроученіи, въ правоученіи, въ свящ. исторіи, въ духовной поэзіи и проч., а съ другой—унаслѣдуя и очищая Христовымъ свѣтомъ плоды древней классической мудрости, представляетъ также блистательную принадлежность тогдашняго состоянія вселенской Православной Церкви. Такіе просвѣщенные мужи, какъ св. Іоаннъ Дамаскинъ или упомянутый сейчасъ Фотій патриархъ, были наилучшіе представители современнаго имъ просвѣщенія, во всей его широтѣ.

Въ это самое время, столь свѣтоносная Православіемъ, или животворнымъ правосмысліемъ, Церковь готовилась и уже предназначала возраждать великій народъ, нѣвѣстный уже тогда своимъ (хотя еще дикимъ) мужествомъ, и даже получившій и имя отъ славы: народъ *Русско-Славянской*. (съ другими Славянскими же племенами). Вотъ что говоритъ Фотій, главный дѣятель и предметъ для дѣйствій упомянутого выше великаго Собора: «И тотъ народъ, о которомъ многіе много разсказываютъ, и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ; онъи глаголемый *Росъ*, который, поработивъ живущихъ окрестъ его и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую Имперію: и сей однако нынѣ премѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами; и столько воспламенилась ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ (Благословенъ Богъ во вѣки, взываю я съ Павломъ), что и епископа, и пастыря, и христіанское Богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ пріяли». (Выписка изъ окружнаго посланія Фотія: см. Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ, стр. 166). Между тѣмъ, какъ Церковь такимъ образомъ вопіяла въ сладкихъ мукахъ во-

жделѣннаго рожденія столь могущественнаго народа, вторгнувшійся въ Церковь по поводу самаго ея могущества и подчинить своему преобладанію цѣлый западъ Христіанскаго міра¹⁾. Таковъ именно былъ и доселѣ еще есть духъ Римскаго папства²⁾, которое низводитъ воззрѣнія и направленія вѣры отъ небеснаго и исполненнаго благодати и истины. Главы Христа къ властелину собственно земному, только возносящемуся превыше всего въ Церкви, и велѣдствіе этого дѣйствительно повергаетъ какъ увлеченныхъ имъ христіанъ, этихъ свѣтилъ въ мірѣ (Фил. II, 15), съ неба благодатнаго Христова царства на землю только уже мірскаго гражданства,—такъ и подпавшую вліянію его область христіанскаго просвѣщенія. Не съ преобладаніемъ ли на Западѣ папства начались тамъ столь сумрачные и невѣжественные, такъ называемые, *средніе вѣка*?

Конечно, папство не касалось большей части истинъ, утвержденныхъ Вселенскими Соборами; но тѣмъ не менѣе, знаніе самой Христовой истины, даже въ самыхъ *горнихъ* своихъ частяхъ, подверглось растлѣвающему вліянію древняго змѣя. Такъ, посягая на равнобожественное достоинство Вселенскаго главенства, папство дерзнуло приписывать и Самому Божественному Главѣ Церкви—Единородному Сыну Божію нѣкоторое также совмѣстничество съ Отцемъ по отношенію къ личнымъ свойствамъ, именно отъемля у Бога Отца славу быть единственнымъ началомъ и корнемъ для другихъ лицъ Божества, а напротивъ утверждая исхожденіе Св. Духа отъ Отца и вмѣстѣ Сына. Потомъ, папство стало приписывать нѣкоторое совмѣстничество и Пресвятой Богородицѣ со Христомъ Богомъ, именно утверждая, что Пресвятая Дѣва

---

1) Римское патріархатство было самое большее изъ пяти церковныхъ патріархатствъ, обнимавшее никакъ не меньше по крайней мѣрѣ трети христіанской Церкви.

2) О духѣ папства, насколько открыто въ немъ мѣсто для сатанинской лжи, см. въ книгѣ „о Православіи въ отношеніи къ современности“, *третью статью о современности въ отношеніи къ Православію*. Само собою впрочемъ разумѣется, что одинъ Богъ можетъ судить, сколько кто изъ папствовавшихъ одушевляется живымъ духомъ папства или же остается вѣрнымъ духу останковъ Православія и въ области папства, къ чему относятся всѣ неизвращенные папствомъ догматы и правила вѣры. Превосходная мысль о семъ можно находить въ „Разговорѣ между испытующимъ и увѣреннымъ“ Высокоп. Митроп. Филарета.

несколько не причастна была Своею природою къ первородному грѣху, и слѣдовательно, не нуждалась въ искупительной жертвѣ и заслугахъ Христовыхъ. Кромѣ того, совѣстничество со Христомъ и съ Его благодатию папствомъ внесено и вообще въ Церковь небесную или торжествующую; ибо оно стало утверждать,—будто прославленные святые совершили дѣлъ праведныхъ болѣе, нежели сколько требовалъ бы долгъ предъ Богомъ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ и самая праведность ихъ есть благодатная, полученная отъ Бога живою вѣрою во Христа (Филип. III, 9). Что касается до заблужденій и притязаній папства, относительно Церкви воинствующей или странствующей на землѣ,—духъ папства, догматически утверждающаго свое равнобожеское главенство надъ Вселенскою Церковію, и великую ея часть дѣйствительно покорившаго себѣ, открылся въ нѣдрахъ Церкви истинно, какъ великій драконъ, сатанинскій духъ гордыни, не хотящій знать никакихъ предѣловъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого надо послѣдовать воззрѣнію Тайновидца на самую существенную силу лжи: именно—слѣдуетъ вникнуть въ глубину папства, насколько оно есть ложь, не касаясь ни того, сколько и въ области папства есть остатковъ отъ истины или Православія, ни того, сколько и римскіе христіане могли бы возвышаться надъ ложью папства, чрезъ вѣрность остающейся и у нихъ истинѣ ¹⁾, но притомъ не забывать, что люди здѣсь во всякомъ случаѣ жертва обмана, а самое существо и корень лжи папизма—ниже человѣчества. Идея и стремленіе папства взять надъ вѣрою власть, и притомъ абсолютную, и чрезъ это отвлечь вѣру отъ возглавленія единственно только въ Самомъ Господѣ Христѣ и отнять у вѣрующихъ, условливаемую этимъ, благодатную свободу дѣтей Самого Бога,—это есть мысль и движеніе, очевидно, не Духа Христова, Духа усыновленія и сыновне-самостоятельной свободы, но противоборнаго Ему духа деспотической тиранніи надъ человѣчествомъ. Затѣмъ, явно-ложная мечта о непогрѣшимости простого, хотя и возведеннаго на Римскую святительскую кафедру, человѣка, и слѣдовательно, о безконтрольной вѣрности всего духовнаго движенія и направленія, самовластно сообщаемого этимъ

¹⁾ Для рѣчи объ этомъ мѣсто будетъ ниже.

человѣкомъ всей своей церкви и ея католичеству, съ осужденіемъ держащихся только одного Главы—Самого Христа—въ погибельномъ заблужденіи,—отсюда гордое притязаніе на неограниченное духовное самовластіе этого человѣка надъ всею іерархією и всѣмъ составомъ Христовой вселенской Церкви, надъ царями и царствами христіанскими,—мало того, посягательство на подчиненіе человѣку самой Божіей истины чрезъ верховное его право опредѣлять смыслъ Св. Писанія, догматы вѣры и церковныя правила, безапелляціонно апробовать для вѣры вселенское церковное преданіе, — самовластное человѣческое, по собственнымъ видамъ, управленіе или распоряженіе благодатію спасенія нашего, прощенія грѣховъ грѣшнымъ и прославленія самихъ святыхъ въ Церкви: все это свойственно, въ своей силѣ, не простымъ немощамъ и преткновеніямъ или паденіямъ человѣчества, а явно сатанинскому самообожанію, соединенному притомъ съ осязаемою ложью ада. А между тѣмъ Исторія, со всею поразительностію раскрывшая всѣ эти крайности Папства въ продолженіе вѣковъ, не позволяетъ нисколько ихъ ограничивать или смягчать.

Слѣдуетъ теперь посмотрѣть на развитіе изъ показаннаго сейчасъ существа лжи папской, полной ея системы: тогда мы ближе и обстоятельнѣе разберемъ и семь вѣнценосныхъ, и слѣдовательно, господствующихъ, головъ и десять роговъ змія, которыхъ только общій смыслъ нами выше указанъ. Такъ, насколько папство есть ложь или отрицаніе Православія, оно въ этомъ отношеніи или значеніи своемъ имѣетъ господствующую задачу—не облеченіе христіанъ въ Самого Христа, въ Его свойства, мудрствованіе и добродѣтели, но распространеніе и упроченіе римскаго самовластія надъ міромъ,—не раскрытіе въ вѣрующихъ Христова свободно-сыновяго Духа, но напротивъ поработительное закрѣпленіе духа ихъ за римскимъ престоломъ,—не соединеніе со Христомъ въ вѣчную жизнь души и самага тѣла равно всѣхъ вѣрующихъ, но организованіе ихъ, въ здѣшней жизни, подъ главенствомъ папы и клерикальнымъ преобладаніемъ,—не духовное исправленіе грѣшниковъ, но принятіе раболѣпныхъ ихъ услугъ и пожертвованій, съ наградою за это отпущенія грѣховъ и нераскаяннымъ; и главными дѣятелями всего этого служатъ и, по существу пап-

ства, должны служить избранники самого священства ¹⁾, которые, притомъ, и самую щедрость Христовой благодати, въ священіи брачнаго союза и въ снисхожденіи ея къ облегченію самыхъ физическихъ недуговъ, хотѣли бы обратить въ противоблагодатное клерикальное господство надъ христіанами на стезяхъ и жизни, и смерти. Такъ Папство, насколько оно есть отрицаніе Православія или ложь, по самому существу своей лжи, направляется къ коренному парализованію и усыпленію силы всѣхъ семи спасительныхъ таинствъ, безъ чего живое возглавленіе христіанъ въ одномъ Самомъ Христѣ, никогда бы, конечно, не уступило никакимъ человѣческимъ, а въ источникъ сатанинскимъ, усиліямъ взять власть надъ вѣрою и Церковію, и власть верховную. Вотъ эти семь змійныхъ, и притомъ вѣнценосныхъ головъ, которыя злоухищряются достигать сначала того, чтобы обольщаемые христіане самую седмочисленную въ таинствахъ и отсюда въ дарованіяхъ Св. Духа, *благодать* Христову принимали болѣе или менѣе *воице*, и которыя чрезъ это достигаютъ и самовластнаго заправленія обманутыми христіанами, по духу лжи папской. Подъ такимъ направленіемъ, этимъ христіанамъ внушается, какъ самая первая заповѣдь Закона Божія, вѣровать въ папское главенство надъ христіанствомъ; протестующіе противъ этого здравая вѣра и простой здравый смыслъ представляются имъ, какъ кумиры язычества; святыня всего священнаго ими читается и особенно церковныя учрежденія, даже прямо Богослужебныя, соблюдаютъ ими, по заповѣдямъ папства, не иначе, такъ сказать, какъ подъ угломъ вѣрованія въ самозванное земное главенство надъ Церковію и потому въ характерѣ не благодатной свободы и свѣтлаго разумѣнія, а клерикальнаго преобладанія, покровительствующаго суевѣрію и слѣпому фанатизму. Что касается до людей, папство не обинуется развязать вѣрующимъ во Христа отъ обязанностей ко всякимъ

---

¹⁾ Поэтому и произошло то изумительное явленіе, что напр. Англиканская церковь въ противоборствѣ Римскому католицизму, а не Православію, могла удержать вѣру въ таинственное принятіе Св. Духа чрезъ рукоположеніе, отрицая таинство священства видно только въ смыслѣ Римскаго (католичества, или какъ одну изъ головъ амія. Смотри объ этомъ 3 стат. въ моемъ сочин. „По особымъ обстоятельствамъ и вопросамъ соврем.“

властямъ и авторитетамъ, даже къ роднымъ отцу и матери, если послѣдніе противоборны папству, — дозволить, а иногда, и предписывать *ad majorem Dei gloriam* вопіющія нарушенія правды, чести и любви, обманы и обиды ближнихъ, посягательство на все, имъ принадлежащее и для нихъ безцѣнное. Извѣстны, на примѣръ, польскіе катехизисы въ этомъ родѣ и духѣ ¹⁾. А что эти явленія — не случайныя и исключительныя, а выражаютъ самый духъ и силу лжи папизма, доказательство тому — самое открытое и для разсуждающихъ неоспоримое: чѣмъ болѣе кто изъ римскихъ католиковъ вѣренъ и служить своему папизму, тѣмъ болѣе входитъ въ показанную двусмысленную и фальшивую нравственность. Монахи-иезуиты суть самыя лучшіе, вѣрные и вмѣстѣ наглядныя, хотя и столь утонченныя, представители папства въ этомъ отношеніи. Такъ-то всѣ десять заповѣдей Божія Закона успѣваетъ по своему исфальшивить духъ лжи папистической, который въ этомъ смыслѣ и обладаетъ и дѣйствуетъ десятью рогами противоборства истинѣ ²⁾.

¹⁾ О средневѣковыхъ кровавыхъ ужасахъ Римско-католической нравственности.

²⁾ Изъ опасенія, чтобы выше сказанное не показалось кому слишкомъ общимъ и отвлеченнымъ, считаемъ нужнымъ высказаться еще прямо о семи главахъ и десяти рогахъ духа лжи въ папизмѣ, именно: разсматривая семь главъ змія, какъ именно начала лжи папизма, противоборныя семи способамъ благодати — таинствамъ (говоримъ только о семи таинствахъ, не касаясь особо даровъ Св. Духа, какъ сообщаемыхъ чрезъ одно изъ таинствъ и потому уже необходимо подразумеваемыхъ въ рѣчи о таинствахъ), мы находимъ слѣдующее: — *крещеніе* въ папствѣ есть способъ не просто сообщенія Христовой жизни и вступленія въ составъ благодатно-живого Христова тѣла, но и возглавленія въ папѣ; *мгропомазаніе* или конфирмація сообщаетъ Св. Духа какъ исходящаго яко-бы отъ Отца и Сына, и потому открываетъ въ христіанствѣ мѣсто началу разстроивающаго соперничества и бореія между сыновствомъ и отчествомъ въ ихъ основномъ духѣ или направленіи (разъясненіе этого см. въ моихъ книгахъ: „о Православіи въ отношеніи къ современности“ стр. 251—254 и „объ упокоеніи усопшихъ и духовномъ здравіи живыхъ“ стр. 149—152); *причащеніе* св. тайнъ употребляется, какъ наглядный и дѣйствительный способъ къ надменному возвышенію іерархіи (не только въ лицѣ Римскаго епископа, но и во всемъ составѣ его клира) надъ прочими христіанами — всѣми мірянами — чрезъ лишеніе послѣднихъ крови Христовой и доступность ея только священнослужителямъ; *покаяніе*, исповѣдь употребляется какъ средство вообще къ клерикальному преобладанію надъ духомъ и совѣстію христіанъ, и въ особенноти къ вмѣшательству въ дѣла жизни частной

Православная Церковь потому и смотрѣла на самое проявленіе и первое распространеніе папскихъ заблужденій въ нѣкоторыхъ, именно славянскихъ же, новообращенныхъ племенахъ не иначе, какъ на пожраніе дракономъ: «Достигла вѣсть о семъ нашего слуха, говоритъ о папскихъ притязаніяхъ и насиліяхъ надъ болгарами патріархъ Фотій, и мы поражены смертельнымъ ударомъ въ самое сердце, подобно какъ если бы кто видѣлъ утробныхъ чадъ своихъ, предъ глазами его угрызаемыхъ и терзаемыхъ отъ звѣрей и змievъ. Мы оплакивали ихъ (болгарскихъ христіанъ, которыми овладѣвали западные епископы), и оплакиваемъ, и для возстановленія ихъ отъ паденія не дадимъ очамъ нашимъ сна и вѣждамъ дреманія, доколѣ не введемъ ихъ, поколику то возможно будетъ намъ, паки въ домъ Господень». Какъ это напоминаетъ апокалипсическій образъ жены, находящейся въ болѣзняхъ рожденія, и притомъ видящей змія, готоваго пожрать ея чадо! Сами паписты называютъ папъ X вѣка, въ которыхъ духъ лжи папизма нашелъ достойныхъ орга-

и общественной, къ умноженію церковныхъ имуществъ и т. под. Въ *священствѣ* ставится престолъ римскаго первосвященника истинно выше звѣздъ небесныхъ; чрезъ освященіе *браха* поработаются главенству папы самыя основы мірскаго быта, такъ же какъ чрезъ *елеосвященіе* желали бы подчинить клерикальному владычеству и физическія условія, физическую сторону мірскаго благосостоянія. Вотъ какъ семь главъ змія—эти начала духа лжи въ папамъ, не уничтожая существа гнильства благодати, парализуютъ всю ихъ силу и дѣйствіе, соразмѣрно впрочемъ тому, сколько кто изъ папистовъ слѣдуетъ духу и направленію лжи, а не остаткамъ истины или Православія въ папамъ! Также точно, что касается и десяти роговъ змія,—не трудно усмотрѣть ихъ въ парализованіи каждой заповѣди правды. Такъ самая первая и основная заповѣдь, что единъ Господь Богъ, именно открытый во Христв.—парализуется совмѣстивчествомъ съ Господомъ Богомъ „святого отца“ ватиканскаго, который вопреки второй заповѣди, сдѣлался кумиромъ римскаго католичества; имя же Господне принимать всюю вопреки третьей заповѣди, едва-ли и можно болѣе, какъ освященіемъ во имя Его сатанинской гордыни папскихъ притязаній; противъ духа четвертой заповѣди, праздничныя церковныя торжества направляются къ клерикальной корысти и рисовкѣ предъ народомъ; противъ пятой заповѣди довольно указать на папскія разрѣшенія отъ повинненія всякому священному для человечества авторитету, какъ скоро послѣдній не сталъ бы терпѣть возглавленія своего въ папѣ; вопреки прочимъ пяти заповѣдямъ папство сквозь пальцы смотритъ въ преданныхъ его интересамъ и на пролитіе крови, на поруганіе цѣломудрія или вѣрности супружеской, на всякія хищенія, лжесвидѣтельства и покушенія на чужія права....

новъ, чудовищными людьми, самыми отвратительными по жизни, самыми непотребными по нраву, гнусными, какъ нельзя болѣе, во всѣхъ отношеніяхъ ¹⁾. О папѣ Вонифатіѣ, современномъ нашему Равноапостольному князю Владиміру, вотъ что говоритъ западный современникъ: «ужасное чудовище Вонифатій, превзошедшій всѣхъ нечестіемъ, обогранный кровію своего предшественника Венедикта IX, возвратился (983) и погубилъ Апостолика (Іоанна XIV), страдавшаго въ смрадной темницѣ» ²⁾. Не наглядная ли правда, что истинно драконъ западнаго папства усиливался пожрать Славяно-русскій народъ, при самомъ обращеніи его въ христіанство? Толпы миссіонеровъ подъ разными названіями стремились на сѣверъ покорить все здѣсь папѣ. Еще при благовѣрной Ольгѣ нѣмецкій императоръ пробовалъ вовлечь Россію въ кругъ власти папской. Послѣ безполезнаго покушенія обратиться язычника Владиміра къ латинству, миссіонеры папскіе пытались дѣйствовать и на христіанина Владиміра, и такъ далѣе ³⁾. «Подлинно одинъ Богъ, какъ говоритъ Исторія Русской церкви, спасъ Церковь и отечество русскихъ отъ наводненія западнаго». Къ концу X вѣка, при Равноапостольномъ Владимірѣ, Православная Церковь, которая осталась только уже на Востокѣ, возродила Славяно-русскій народъ *банею паки-бытія*. Въ XI вѣкѣ вѣрованія, таинства, учрежденія, вообще благодатный духъ и порядокъ Православной Церкви столь глубоко и прочно успѣлъ войти въ духъ и жизнь новопросвѣщеннаго народа, что онъ представлялъ исполнѣ благоустроенную и великую область митрополіи, имѣющей подъ собою до конца XI вѣка одиннадцать епископій ⁴⁾. Важнѣйшіе города красовались множествомъ святыхъ храмовъ; Священное Писаніе, Богослужебныя книги, важнѣйшія свято-отеческія творенія были переведены на отечественный языкъ; были уже обители, плодоприносящія зрѣлую духовную жизнь святыхъ и чудодѣйственныхъ подвижниковъ: были уже многіе прославленные святые изъ чадъ Россійской церкви. Вообще, духъ дѣтской, но благодатно-свѣтлой и сознательной вѣры и любви ко Христу и Его истинѣ, или

¹⁾ Бароній, *Annal ad an.* 897.

²⁾ Arnultus Episcopus Avrelian.

³⁾ Истор. Рус. Церкви Еп. Филарета т. 1 стр. 85 и далѣе.

⁴⁾ Тамъ же част. 1-ая стр. 28—29.

Православію, духъ дѣтскаго, но не рабскаго послушанія своей матери—Греческой церкви, строгости и искренности въ соблюденіи церковныхъ постановленій одушевлялъ новонасажденную церковь и становился общественнымъ духомъ народа ¹⁾. Самъ Христосъ Господь вселялся благодатно въ духъ народномъ.

Чтобы видѣть, какъ точно въ Апокалипсисѣ опредѣлены характеръ и благодатное назначеніе Славяно-русскаго народа, прослѣдимъ хотя бы бѣгущимъ взглядомъ и послѣдующую исторію воспитанія и возрастанія во Христѣ нашего народа. Разобщенность съ папскимъ Западомъ обезпечивала новоблагодатную жизнь сего православнаго народа: такъ что это, мужественное впрочемъ, дитя вѣры и благодати точно взято было къ Богу и престолу Его, уединясь отъ шумнаго движенія и сложныхъ отношеній папскаго Запада. Сонмы святыхъ Божіихъ изъ святителей, изъ князей, изъ подвижниковъ обитателей, собиравшихся изъ среды всего народа, не торжественно ли опровергаютъ самими собою завѣренія нынѣшнихъ нигилистовъ и ихъ патріарховъ, будто въ старинной Руси не жили разумною человѣческою жизнью? Разсѣянныхъ по всей нашей землѣ безсмертныхъ сѣмянъ нетлѣнныхъ св. мощей, плодонесенныхъ духовною почвою древне-русскою и доннѣ живящихъ народный духъ, не закроютъ плевелы лжемыслия и легкомыслия, хотя бы они были собираемы изъ всего міра нашими, сдвинутыми съ основъ православно-русскаго духа, жалкими умниками. Но и самыя отроцескіе и юношескіе вспышки и порывы естественной грѣховности, отъ которой не свободенъ какъ человѣкъ, такъ и народъ въ самомъ состояніи возрожденія, нашли себѣ въ древней Россіи по крайней мѣрѣ *домашній* выходъ и разрѣшеніе въ междоусобицахъ. Эти междоусобицы впрочемъ не раздували въ князьяхъ и княжествахъ Русскихъ (за исключеніемъ немногихъ частныхъ случаевъ), злопамятной и мстительной на цѣлые роды и столѣтія взаимной ненависти, и не разрушали народнаго единства, которое выражалось духовно въ церковно-православномъ единеніи, а граждански въ единствѣ правительственнаго рода, имѣющаго одного главу—великаго князя, бывшаго вмѣсто отца, отсвѣчиваю-

¹⁾ Тамъ же часть 1-ая, стр. 90 и далѣе.